

Айрин
ЛАКС

ПРОСТИ
Но будет больно

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

18+

Айрин Лакс

Прости, но будет больно

«Автор»

2026

Лакс А.

Прости, но будет больно / А. Лакс — «Автор», 2026

В девятнадцать она рассмеялась ему в лицо, когда он пообещал научить её всему. Через два года он стал тем, без кого она не могла дышать. Он не тот, кого выбирают. Он тот, от кого не уходят. Тимур Кантемиров — партнёр и должник отца Ники. Человек с холодными глазами стал тем, кто взял на себя все тяготы и подарил счастье. Ника верила в их счастье — одно на двоих, пока не узнала, что Тимур причастен к смерти отца. Она решает мстить, не зная, что стала лишь орудием мести. «Прости. Но будет больно», — сказал он на помолвке. Он ни разу не соврал. Она ни разу не услышала. Их настоящая история начинается там, где у других — финал

© Лакс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	23

Айрин Лакс

Прости, но будет больно

Пролог

Я бежала за ним по снегу, оставляя кровавые следы.

Бежала и не верила, что бегу.

Он как-то давно, словно в другой жизни, где я ещё умела смеяться ему в лицо, сказал: ты ещё сама за мной побежишь.

Я тогда фыркнула. Сказала: не дождёшься!

А теперь я бежала.

Бежала, разбивая ступни в кровь.

Следы расцветали за мной по снегу алыми маками.

Сбитое дыхание раздирало горло, снег под ступнями уже не охлаждал, потому что ступни я перестала чувствовать где-то у ворот.

Босиком.

В одной его рубашке, той самой, которую он как-то бросил мне, уходя: на, помни, чем пахнет твой воздух.

Я тогда швырнула её в стену. А сейчас бежала в ней.

Он был впереди. На шаг, на полшага, на расстояние, которое я никогда не могла сократить, сколько бы ни разгонялась.

Маэстро. Хищник. Тот, кто научил меня всем правилам игры, кроме одного — как из этой игры выйти.

Глупая девочка хотела переиграть его на его же поле.

Глупая девочка проиграла ещё до того, как сделала первый ход.

— Ты без меня дышать не сможешь, — сказал он мне однажды, спокойно, без нажима, но с обещанием, от которого внутри что-то ёкнуло сладко и замерло.

— Мне такие, как ты, никогда не нравились, — ответила я и поверила себе.

А потом лежала на полу в его пустой квартире и кашляла так, что едва не выплюнула лёгкие.

Задыхалась. Цеплялась за паркет ногтями, как будто пол мог меня спасти и чем-то помочь. Не помог, я задыхалась, воздуха не было.

Был только запах его рубашки и понимание, тупое, бьющее под рёбра: он не соврал: я не могла без него дышать, я без него — вообще теперь ничего не могла.

Сволочь.

Он не соврал ни в одном слове.

И я бежала за ним по снегу не потому, что сдалась.

Я бежала, чтобы сказать ему это в лицо.

Я бежала за ним.

И задыхалась.

Всё, как он говорил.

Всё, до последней запятой, до последнего хрипа в горле — он расписал мне это наперёд, а я слушала и улыбалась, как улыбаются дети страшным сказкам: жутко, но не про меня же.

Не про меня?

Про меня.

— Постой! Стой...

Голос сорвался. Снег глотал слова раньше, чем они долетали до его спины. Он не обернулся. Не сбавил шаг.

Хлопнула дверь, взревел мотор — он ударил по газам так, будто за ним гнались не я, а все его демоны из прошлой жизни, и он наконец-то решил от них навсегда оторваться.

Фары полоснули по сугробам и ушли.

Я осталась стоять босиком посреди дороги, в одной его рубашке, с поднятой рукой, то ли угрожая ему вслед, то ли прося чего-то у пустой ночи. Рука дрожала.

Снег падал так медленно, будто висел застывшими комками в воздухе.

Он же говорил.

Он много чего говорил.

Говорил, когда смеялся мне в шею: ты сейчас храбрая, потому что не знаешь, как это будет.

Говорил, когда я в первый раз ушла: вернёшься. И я вернулась.

Говорил, когда наливал мне вино и смотрел поверх бокала: я не тот, кого выбирают. Я тот, от кого не уходят.

А когда надевал кольцо на палец — тогда я уже сдалась, тогда я уже знала, что проиграла и сама протянула ему руку, — он наклонился и сказал тихо, только мне, под музыку и чужие тосты:

— Прости. Но будет больно.

Я засмеялась.

Я. Засмеялась.

Поцеловала его в уголок рта и прошептала в ответ что-то дерзкое, не помню, что именно. Что-то про то, что я и сама умею делать больно, что ещё посмотрим, кто кого, что-то такое, чем глупые девочки отвечают на приговор, принимая его за комплимент.

Он. Говорил.

Я. Не поверила.

А теперь стояла на пустой дороге, и кольцо на пальце было тяжелее, чем вес всех ошибок и вины, лёгшей на плечи.

Он не просто ушёл, он забрал самое ценное, вырвал моё сердце из груди, и это было только начало ада...

Глава 1

Скучнее, чем сегодня в доме отца, было только на защите курсовой. Там хотя бы можно сидеть, и никто не подходил пожимать руку, повторяя одни и те же избитые фразы.

Сегодня мой отец, Глеб Михайлович Седов, отмечает шестидесятилетие.

Это значит, что весь его мир целиком ввалился в наш дом и теперь дышит коньячными парами, рассказывает друг другу анекдоты, которые устарели еще десять лет тому назад.

Мне тоже полагается быть рядом. Отец улыбается, представляя меня.

— Вероника, моя дочь.

Иногда, когда я пытаюсь улизнуть в сторону, он подзывает меня:

— Дочь, подойди.

Дочь-дочь-дочь.

От этого слова уже мозоль должна быть там, где язык стучается о зубы.

Дочь подходит, дочь улыбается, дочь выслушивает, как отец нахваливает, дочь выслушивает ответные комплименты уму и красоте, потом говорит «спасибо, мне очень приятно!»

— Запомни, важный человек. Очень, — говорит отец.

Так — он говорит почти про каждого!

Скука, от которой хочется умереть.

— Почему не отпраздновать в ресторане?

— Люди старой закалки приглашают в рестораны партнёров, а в дом зовут тех, кто особенно близок.

— То есть, в ресторане не будет праздника?

— Будет. Но там будут все эти люди плюс ещё круг лиц. Немного, дополнительно человек сто-сто двадцать, — небрежно говорит отец и вдруг вспоминает. — Ты заказала себе платье в ресторан?

— Ещё и туда?

— Обязательно. И непременно, другое, дочь Седова не должна появиться на людях в одном и том же платье, с одной и той же сумкой. Скажут, Седов экономит. Недопустимо.

Обалдеть, меня ещё и туда пригласят, как музейный экспонат.

Я с трудом удерживаю зевок. Кругом — одни пиджаки.

Чёрные пиджаки, серые пиджаки, тёмно синие, один выделяется — песочный в полоску, на лысом и высоком, как башня, Колосникове. Приятель отца, банкир, он смотрит на меня тем взглядом, которым смотрят на лоты на аукционе и прикидывают, хватит ли денег.

Судя по его взгляду, он уверен: у него — хватит.

Вот только отец меня не продаёт и не заключает сделки о браке.

По крайней мере, пока...

***

Я ускользаю через полтора часа, когда со всеми приветствиями покончено, и все переминаятся за стол. Я села подальше от отца и тихонько встаю из-за стола, когда речь заходит о две тысячи третьем годе и о том, кто кому что должен был тогда, и кто кому теперь должен. Меня тогда ещё и в помине не было, максимум, в планах, и то — не факт.

Под этот разговор можно незаметно встать, и никто не оглянется.

Именно это я и делаю.

Встаю из-за стола, подав глазами сигнал кое-кому, кто тоже скучает на этом «празднике»

У отца в доме две библиотеки. Парадная — внизу, рядом со столовой, для тех, кто заходит сфотографироваться у книжного фона. И настоящая — наверху, под лестницей в правом крыле, маленькая, тёмная, с одним окном в сад. Я с детства прячусь там от всего, от чего только можно спрятаться в этом доме.

Сегодня я прячусь не одна.

Никита поднимается за мной через пять минут. Сын одного из работников отца, если быть точной, сын директора одного из филиалов.

Никита два года меня старше. Учится где-то в Лондоне, приехал к отцу на лето. Узкий в плечах, светлый, чисто выбритый, с красивым, пожалуй, даже чересчур красивым и нежным лицом, как у мальчиков из аниме. Чувствуется, что он всячески поддерживает это сходство. Мы иногда переписываемся, но я не знала, что он тоже будет здесь. Успели перекинуться парой фраз о том, как здесь смертельно скучно.

— Я бы тебя украл.

— Тогда некому было бы укладывать чёлку.

Он не понял эту шутку, но загадочно улыбнулся.

И вот он здесь...

И я — тоже.

Он закрывает за собой дверь библиотеки и останавливается в двух шагах.

— Ника, — говорит он, и голос у него срывается на середине слога. — Ты изменилась за прошедший год.

— В лучшую сторону?

— Определенно. Я не мог отвести от тебя взгляда и даже придумал стихотворение.

— Расскажи?

— Я доведу его до совершенства, переложу на ноты и дам послушать.

Может быть, он рисовался, судя по тому, как он держался, точно рисовался. Но, наверное, многие девушки на это купились. Не знаю, купилась ли я, но хочу проверить.

Вдруг купилась? То есть, я не совсем уверена, нравится он мне или нет.

По переписке нравится, а в реальности...

Чего ломать голову? Надо просто узнать!

Я делаю шаг вперед, кладу ладонь ему на грудь, под рубашку, прямо на ключицу. Под пальцами скачет сердце — быстро, неровно, как у пойманной птицы.

Моё, оказывается, тоже скачет.

От предвкушения.

До этой минуты внутри был ровный гул скуки, такой, что хочется больно ущипнуть себя, лишь бы что-то почувствовать и не заснуть.

Сейчас от стука его сердца под моей ладонью, тепло бежит по рукам и скользит вниз, под рёбра. Я даже удивляюсь. Раньше я не верила, что от поцелуев, которых ещё не было, может так во всём теле.

Или это всё потому что отношения для меня пока под запретом?

Отец строго контролирует, чтобы я не отвлекалась.

— Мальчики, — говорил он. — Не доведут ни до чего хорошего. У них одно на уме, юбка, юбка, ещё одна юбка... Думай о себе, в первую очередь, остальное — успеешь.

И прямо сейчас я, на юбилее отца, собираюсь нарушить его запрет.

Нагло и дерзко нарушить!

Я приподнимаюсь на цыпочки и целую Никиту сама.

Он целует в ответ старательно, как сдают экзамен, к которому готовились всю неделю. Губы мягкие, чуть влажные, приоткрытые.

Я закрываю глаза и пробую забыть, что он целуется как мальчик, который думает о том, как он выглядит больше, чем старается в поцелуе.

Получается плохо.

Я стою на цыпочках, держу его за рубашку, чувствую, как у стучит сердце под моими пальцами.

— Ты красивая, очень.

Никита отрывается и смотрит в зеркало. Я так и думала, вместо того, чтобы стараться, он пялится на нас в зеркало.

Зато я вижу, как выгляжу со стороны. Шея запрокинута, потому что Никита высокий. Платье задралось. Волосы тёмной волной упали на плечи и рассыпались по ним.

— Сделаем фото?

— Потом.

Я снова тянусь за поцелуем.

Дверь открывается.

Не широко — на ладонь. Тихо. Не скрипнув. Никита не слышит. Никита целует меня в висок и шепчет что-то, слов я почти не разбираю.

Всем телом чувствую, что у двери кто-то стоит, и стоит давно — может быть, минуту или две.

За эти две минуты этот кто-то не сказал ни слова, не кашлянул, не отвернулся.

Просто стоит и смотрит.

Я медленно открываю глаза.

В дверном проёме, прислонившись плечом к косяку, стоит мужчина.

Высокий, в чёрной рубашке без галстука, без пиджака — единственный во всём доме, кто посмел снять пиджак, и единственный, кому это сошло бы с рук.

Левая рука лежит вдоль бедра, расслабленная. Я не сразу различаю между большим и указательным пальцами что-то синее, выцветшее, маленькое — узор.

Потом пригляделась, это был скрипичный ключ.

Глаза у него чёрные.

Тёмные настолько, не отличить зрачок от радужки. Они словно колодцы без дна, и не моргают.

Он смотрит на меня так, как смотрит человек, который зашёл по делу, обнаружил, что в его кабинете кто-то сидит, и решает — выгнать сейчас или подождать, чем закончится.

Он выбрал подождать и, судя по усмешке, прячущейся в уголках его губ, он для себя что-то решил и пришёл к каким-то выводам.

Я не отвожу глаз.

Просто не могу.

Никита, ощутив, что поцелуй прервался, открывает глаза.

Видит того же мужчину, что и я.

Бледнеет.

С его лица схлынули волной все, до единой, краски.

Просто стал белый, как стена, глаза расширяются. Он даже попытался что-то сказать, но лишь сипло выдохнул: кхыы...

Так, словно он этого человека знает, и знает, что он из себя представляет.

А я — нет.

Никита отшатывается так резко, что наступает мне на ногу острым каблуком ботинка по босой плюсне. Я охаю.

Он краснеет до ушей и пятится к окну, будто оттуда есть запасной выход.

Мужчина в дверях не шевелится.

Просто застыл тёмной тенью.

Медленно поднимает бокал с виски и отпивает, не говоря ни слова.

Никита прочищает горло и опускает взгляд куда-то в ковёр. Его потряхивает, и даже кончики ушей стали красными.

— Прошу прощения, — говорит Никита, блеет, как баран, который уже увидел нож в руках мясника и понял, что это значит. — Я не... Я просто.

— Иди.

Одно слово.

Тихо.

И немного лениво.

Он говорил не громче, чем блеющий Никита.

Но силы в одном слове столько, что весь воздух сжимается.

Никита срывается с места так, будто его толкнули в спину и дополнительно отвесили пинка под зад. Проходит мимо мужчины боком, не поднимая головы, задевает плечом косяк, извиняется второй раз.

Его уже нет в комнате, а из коридора доносятся извинения — уже в третий раз!

Дверь он за собой не закрывает.

Мужчина дотягивается левой рукой, не глядя, и прикрывает дверь мягко, до щелчка.

Скрипичный ключ мелькает на секунду в воздухе и опускается.

Мы остаёмся вдвоём.

Я стою на одной ноге — на той, на которую не наступили, и пытаюсь незаметно перенести вес на вторую.

Получается плохо.

Нога, на которую Никита наступил, словно слон, саднит.

И сердце от чего-то грохочет.

Я чувствую каждый удар сердца отдельным толчком в горле, в висках.

Только теперь сердце грохочет не от поцелуя, а от того, что этот мужчина и я в тесном пространстве — одни.

— Ника, — говорит он. — Вероника. Ника — красивее. Победа.

Не вопрос. Утверждение. Он знает, как меня зовут и точно знает, что я дочь Седова.

Он держится так, будто знал, что я в библиотеке не одна и вошёл сюда не случайно.

Я расправляю плечи, сглатываю. Говорю:

— Мы знакомы?

Голос у меня получается не писклявый и на том спасибо.

Он не отвечает сразу.

Он вообще не спешит говорить.

Вместо этого он отрывает плечо от косяка, делает шаг в комнату.

Всего один, ленивый шаг, после которого пространство вокруг становится его.

Сразу же воздух в библиотеке становится плотнее. Будто кто-то прибавил гравитацию...

— Нет, — говорит он. — Пока нет.

Проходит мимо меня, не задев, но мимо так, что я ощущаю его запах: что-то тёмное, горьковатое, с табачной нотой. Слишком сложное сочетание, аромат не из тех, что висят на каждом.

Мужчина подходит к окну, потом разворачивается.

— Никита, — говорит он. — Имя для собаки.

Это не реплика, обращённая будто не ко мне. Он говорит так, будто случайно обронил монетку и просто смотрит, куда она закатится.

Его слова толкаются остро мне под рёбра, вызвав учащённый стук сердца.

— Это не я выбирала ему имя, — говорю я.

— Конечно, не ты. Но именно ты выбрала делать это губами с тем, у кого имя, как у собаки, и роль — соответствующая.

Он усмехается. Усмешка у него едва заметная — лишь левым углом рта, и она не задевает выражения его глаз.

Он продолжает смотреть, не моргая. Я начинаю понимать, что он, кажется, очень редко моргает.

— Я целовалась.

— Нет, ты *кое-что* делала своим ртом. Это не поцелуй, так не целуются, — говорит он. Я открываю рот. Закрываю. Открываю снова.

— Что?

— Так. Не целуются.

Он говорит это отдельно, как объясняют ребёнку, который не понял с первого раза. Объясняет без насмешки и даже с каким-то терпением.

От его терпеливых, снисходительных интонаций мои щёки становятся красными и горячими раньше, чем я успеваю сообразить, что мне полагается возмутиться. Я возмущаюсь задним числом.

— А вы, видимо, эксперт в поцелуях?

Он молчит секунду. Две. Я успеваю пожалеть, что сказала.

— Эксперт, — говорит он наконец. — В числе прочего.

Я фыркаю. Получается не так, как хотелось — не пренебрежительно, а коротко и нервно, потому что воздуха в груди вдруг становится меньше, чем я рассчитывала.

Просто становится почти нечем дышать, и в этом виноват он — и его присутствие там, где чужим быть не положено.

— И что же вы скажете, *эксперт*?

Он смотрит ещё пару секунд — так, как смотрят, когда взвешивают, стоит ли вообще тратить время и слова ответ. Потом говорит:

— Ты дёшево продала то, что можно купить дороже.

Говорит — и замолкает.

Не добавив больше ничего.

Просто сказал и думай, что это значит.

Я чувствую, как у меня горят уже не только щёки, у меня уже горит шея от ключицы до подбородка, ровной горячей полосой.

— Я своими поцелуями не торгую, — говорю я.

И, потому что одной фразы оказалось мало, добавляю:

— И вообще, это не ваше дело.

Сказала и сразу же пожалела: как-то по-детски это прозвучало.

Ещё осталось высунуть язык и сказать: бе-бе-бе!

Он наклоняет голову едва заметно, ровно настолько, чтобы стало понятно, что он услышал и счёл сказанное забавным.

Не смешным.

Забавным.

Это два разных слова, и я только сейчас понимаю, какая между ними тонкая, но острая разница.

Острая, как скальпель.

— Поскольку ты спросила моё мнение, — говорит он. — Теперь это моё дело.

Он делает шаг. Один. Не ко мне ещё — в сторону кресла, мимо стола, по дуге. Будто ему просто стало удобнее так стоять. Но дуга построена так, что после этого шага окно оказывается у меня за спиной, а он — между мной и дверью.

Я замечаю это, когда он уже совсем рядом, и вся обстановка буквально кричит: я не смогу выйти, не пройдя мимо него.

А он точно не позволит выйти раньше, чем он захочет.

Я будто в ловушке, хотя ничего плохого или опасного ещё не произошло.

Просто чувствую телом: это сложнее, чем кажется на первый взгляд.

— Ваше дело?

— Любое дело, которое я считаю своим... — продолжает. — Я доведу до конца.

Жар, который начался под ключицей, теперь плавится у меня внутри — медленно, тяжело, как воск. Стекает ниже. Клубится в низу живота тёплым тугим комом, который я никогда раньше не ощущала так отчётливо и не знаю, что с ним делать.

От одних его слов. От того, как он стоит.

От того, что я не уйду, хотя могла бы.

Я могла бы.

Или не могла?

Запуталась на ровном месте...

— И что в таком случае означает...

— Довести. До конца. Начать и за-кон-чить.

— То есть, научить? — говорю я.

Получается хрипло. Я хотела сказать это иронично, но получается короткое предложение, в котором больше вопроса, чем насмешки, а согласия больше, чем вопроса.

Я слышу себя со стороны и ужасаюсь. Он слышит меня и не подаёт виду.

Он делает ещё шаг.

Ближе. Неспешно.

Он движется так, словно у него нет ни одной причины торопиться в этой жизни.

Так, словно он всегда успевает и появляется именно тогда, когда считает нужным.

Я отчётливо вижу ткань его рубашки — тонкую, чёрную, плотно обтягивающую широкие плечи. Рубашка расстёгнута на одну пуговицу больше, чем полагалось бы в чужом доме.

Запах становится гуще и глубже — табачный, горьковатый. Мне становится неловко так, что хочется закрыться руками. Жарко так, что я чувствую, как платье прилипает к спине под лопатками.

Я оказываюсь в ловушке между книжной полкой и ним — и понимаю это окончательно, и понимаю, что могла бы сделать шаг вбок и обойти, и не делаю.

Я сделала шаг назад.

Отступила и не поняла, когда именно.

Он останавливается на расстоянии, которое считывается гораздо ближе, чем приличное. Я смотрю ему в воротник, потому что в глаза смотреть становится невозможно. Воротник чёрный, плотный, безупречно ровный.

Шея крепкая, смуглая, с синеватыми венами.

— Если ты очень хорошо меня попросишь, — говорит он.

Тихо. Прямо мне в макушку.

Боже.

Он сделал последний шаг так, что я этого совсем не поняла, и теперь между нами едва ли можно просунуть ладонь!

Я поднимаю голову, не зная, откуда у меня берётся эта смелость — поднять голову и встретиться с ним глазами на этом расстоянии.

Встретиться глазами и остаться стоять, с этим знанием, что он сейчас слышит, как у меня сбилось дыхание.

Может быть, во мне говорит отцовский характер, который иногда просыпается не вовремя. Может быть — то самое имя, которое мне дали при рождении и которое я сегодня впервые пробую одержать победу там, где даже вступать в игру не стоило.

Я смотрю ему в глаза. Чёрные. Близко.

И говорю:

— Встаньте в очередь.

Я сама удивляюсь, откуда взялись эти слова!

Что-то мелькает во взгляде и тут же пропадает.

Вспышка.

— Хорошо, — говорит он.

И всё.

Ни упрёка, ни фразы в ответ.

Я ждала иного, не знаю, чего, но ждала, а он...

Просто ушёл, оставив меня стоять в растерянности.

Разворачивается, идёт к двери, не глядя на меня больше. У двери останавливается, кладёт ладонь на ручку. Я смотрю ему в спину и не дышу.

Кажется, только что случилось нечто такое, чему я ещё не могу дать название, но оно... колоссальное.

— Глеб Михайлович, — говорит он, не оборачиваясь, — научил тебя сидеть за столом со взрослыми. Жаль, что не научил уходить из-за стола вовремя.

Это намёк на то, что я сказала лишнее?

Или что-то другое?

Ответа, разумеется, не последовало.

Он открывает дверь.

— Спускайся вниз. Тебя ищут.

И выходит.

Дверь закрывается тихо так же, как открылась.

Я стою ещё минуту, не шевелясь, потом расправляю платье. Провожу ладонью по волосам, поправляю за ухом ту прядь, которая всё время выбивается.

Еще две или три минуты восстанавливаю дыхание, которое не хочет выравниваться.

Спускаюсь в гостиную.

Отец стоит у камина, смеётся над чьей-то шуткой и держит в руке бокал, из которого вот-вот выплеснется жидкость. Видит меня и поднимает бровь:

— Где ты ходишь? Я тебя ищу полчаса.

— Отошла подышать, а потом книгу искала, о которой вспомнила, — говорю я.

— Нашла?

— Нет. Кажется, домработницы убрали, спрошу у них.

— Ты пропустила фото. Иди и наверстай упущенное.

Он отворачивается к собеседнику и забывает обо мне через секунду.

Я ищу глазами одного человека.

Того, в чёрной рубашке, который смотрит не мигая.

Я не нахожу его в гостиной. Не нахожу на террасе. Не нахожу в курительной, куда заглядываю под предлогом, что ищу одного из партнёров отца.

Я ищу наглеца, который заявил, что может научить меня целоваться.

Его нет нигде. Он, видимо, ушёл сразу же, как вышел из библиотеки. Неужели он пришёл только за этим — увидеть, как я целуюсь с Никитой, оборвать это, сказать мне несколько фраз и уйти.

Нет, не верится.

Это юбилей отца и здесь нет случайных людей.

Он сказал, здесь только те партнёры, которые близки, которым он доверяет настолько, что пускает в свой дом.

Я не знаю, как его зовут.

Я не знаю, кто он такой.

Я не знаю, зачем он приходил.

Я знаю только, что у него на левой руке скрипичный ключ и никак не могу забыть его взгляд.

Это всё, что я знаю о нём в этот вечер.

Я думала, этого так мало, мне хватит и пары дней, чтобы его забыть.
Но я ошиблась...

Глава 2

Жизнь после того вечера в библиотеке продолжается как ни в чём не бывало — и это самое обидное, что могло со мной случиться.

Я жду чего-нибудь. Звонка отцу с уточнением, кто эта девочка с зацелованным ртом.

Случайной встречи в городе.

Конверта без подписи.

Хоть чего-нибудь. Глупо ждать — я понимаю, что глупо, но всё равно первые две недели исправно проверяю почту. В наш век глупо ждать писем, но этот мужчина производит впечатление того, кто не станет размениваться на электронные послания. От него ждёшь чего-то настоящего, веского и осязаемого до дрожи.

Ничего.

Я жду хотя бы реплик Никиты при следующей встрече. Не зря же он сделал такой вид и сразу убежал при виде этого мужчины, но Никита после этого случая пропал и не переписывается со мной, как раньше.

Звонков тоже нет.

Я отвечаю, когда звонят с незнакомых номеров в надежде, но это всегда оказывается спам от банков или социальные опросы.

Никто не звонит.

К концу второй недели я злюсь.

Какого чёрта я думаю об этом мужчине? Его надо забыть!

К концу третьей недели — забываю.

Точнее, заставляю себя забыть, но, засыпая, я иногда ловлю себя на том, что вспоминаю мужчину, который смотрел. И тогда я переворачиваюсь на другой бок, ругаюсь вслух одним коротким словом и заставляю себя думать о завтрашней лекции по статистике.

Лекций много. Я учусь на третьем курсе финансового, и третий курс — тот самый момент, когда у нормальных людей начинаются интересные предметы, а у меня начинается затяжной зевок длиной в семестр.

Деривативы, корпоративные финансы, эконометрика — всё это я понимаю с полуслова, будто кто-то однажды в детстве вложил мне в голову готовый электронный справочник и забыл объяснить, как его выключать.

Я сдаю экзамены на отлично, почти не открывая учебников.

— Ты могла бы пойти со мной в дело, — говорит отец однажды за завтраком, мельком, не отрываясь от планшета. — Чисто аналитика. Сидела бы дома, считала, никакой грязи.

— Папа.

— Что — папа?

— Я не пойду в твоё дело. Ни чистое, ни грязное.

Он опускает газету. Смотрит на меня поверх очков — у него один и тот же взгляд для всех случаев, когда единственная и любимая дочь говорит что-то, чего он не одобряет. Его взгляд не меняет своей интенсивности от того, идёт ли речь о выборе платья или о выборе профессии.

— Из тебя вышел бы толк.

— Из меня вышел бы юрист с дипломом по финансам, который ненавидит и то и другое.

— А чего ты не ненавидишь?

— Пока не знаю. Дай время.

Он усмехается и возвращается к отчёту, в котором «что-то не бьётся». Тогда он просит помочь, и я помогаю, прекрасно зная, что это лишь уловка. Но всё равно помогаю, потому что это редкие моменты, когда я могу щёлкнуть отца по носу, не уронив при этом его авторитет.

Разговор закрыт до следующего раза.

Следующий раз случается примерно каждый месяц, всегда мельком и всегда заканчивается одинаково. Отец не давит. Отец вообще не давит — у него другая техника, гораздо более изматывающая: он просто продолжает предлагать, и однажды, рассчитывает он, я устану отказываться.

Я не устаю. По крайней мере, пока.

За время до следующей встречи с тем самым мужчиной со скрипичным ключом на руке у меня целых... полторы попытки начать отношения.

Первый — Антон, третий курс юридического, высокий, брюнет, с длинными ресницами и привычкой смеяться невпопад. Мы встретились дважды, а на третье свидание он не явился. В универе больше не появлялся, говорили, что он неудачно взял погонять тачку своих родителей и теперь лежит в больнице с переломами, переведясь на дистанционное образование.

Второй — Серёжа, бариста в кофейне рядом с университетом, левая рука в татуировках, голос как у радиоведущего. Он как-то резво интересуется, из какой я семьи и обижается, что я не спешу рассказывать о себе много. К тому же мне не нравится, что в его разговорах деньги — в центре всего, и роман заканчивается, так и не начавшись, как следует.

Потом в кафе появляется бариста-девушка, и я забываю о назойливом почти-ухажёре так же быстро, как забываю, сколько стоил обед на прошлой неделе.

Эти парни целуются по-разному, и каждый раз — вроде нормально.

Но ничего и близко похожего на тот жар и волнение, подобного я больше никогда не чувствовала.

Отец однажды за ужином говорит не мне, а помощнику, который у нас сидит по делу:

— Кантемиров приедет в среду. Решим с долями.

— Он был на вечере у губернатора.

Отец перестал жевать.

— У него были разногласия по земельному вопросу. Очень острые разногласия. Уверен?

— Значит, с разногласиями уже покончено или будет вот-вот. Есть фото...

Помощник протягивает отцу фото, телефон ложится на стол. Я мельком вижу фото — типичное фото, просто скучные мужчины в пиджаках.

Но взгляд цепляется.

За одного.

Высокий, черноволосый, как цыган или кавказец, с красивым профилем.

Кантемиров, его фамилия отзывается гулом в ушах и стремительным потоком крови по телу.

Я кладу вилку.

Кладу тихо, потому что в нашем доме не швыряют приборы. Прожёвываю кусок мяса, который вдруг кажется жёстким и запиваю водой. Пересохло в горле.

— Если он добился, то обходит по весу, — вскользь говорит помощник отца.

— В курсе, — говорит он и, вытерев рот салфеткой, бросает её на стол с досадой. — Что за день, одни хреновые новости!

Отец редко позволяет себе ругнуться. Значит, от этой встречи зависело многое.

— Что будем делать?

— Ничего, я сам с ним поговорю, какого хрена он продавливает то, что мы уже переиграли!

Он поднимается сразу же и хватает телефон. Звонит и удаляется...

— Тимур? Видел одно интересное фото...

Тимур.

Кантемиров.

Я узнаю имя.

Тимур Кантемиров.

Я пробую его на вкус сначала про себя, потом — поздно ночью, в темноте, под одеялом, шёпотом. Тимур. Тимур Кантемиров.

Имя короткое и твёрдое, оно чувствуется на языке как что-то очень пряное и никак не хочет уходить. Я повторяю его несколько раз. Потом перестаю. Потом снова повторяю. Я ловлю себя на том, что мне неловко произносить его имя вслух в собственной спальне в собственной кровати, когда из одежды — совсем ничего.

Произнесённое имя оказывается интимнее любого из их прикосновений.

Иногда фамилия Кантемиров возникает в разговорах отца — деловой партнёр, иногда оппонент, иногда «сложный человек, но нужный, очень нужный»

Я не задаю вопросов. Но всё запоминаю.

А однажды...

В тот день я опаздываю.

Опаздываю отчаянно — к двоюродной сестре на день рождения, в платье, которое долго выбирала, в новых туфлях, в которых ещё не привыкла ходить. На улице сыро, осень, асфальт перед домом блестит.

Всю неделю мы живём в городской квартире, пока в доме меняет паркет в гостиной и покрывают его тёмным маслом.

Я выскакиваю из подъезда, понимая, что потратила на сборы времени больше, чем планировала.

Спешу, потому что такси приехало раньше, ещё немного и уедет!

Поскальзываюсь я на втором шагу.

Каблук едет в сторону. Букет вылетает из рук. Я успеваю подумать, что сейчас будет больно, и платье жалко, и нос я, кажется, сейчас тоже разобью, потому что падаю головой вперёд.

Боже, тогда у меня точно станет нос, как у отца — большой картофелиной!

И вдруг...

Падения нет. Оно прерывается.

Миг — и я не падаю.

Меня ловят.

Точнее, перехватывают, точно и плавно.

Одной рукой за талию и второй за плечо, и одним этим движением ставят обратно на ноги, прежде чем я успеваю сообразить, что произошло.

Букет приземляется где-то в стороне с мокрым шлепком.

Я стою.

Крепкая мужская рука с татуировкой между большим и указательным пальцами лежит у меня под рёбрами.

Я поднимаю взгляд и тону в глазах.

Чёрные. Не моргают.

Близко.

— Почти к моим ногам, — говорит он. — Всё-таки настаиваешь на обучении?

Голос — тот же. Тихий. С той же ленивой ноткой, будто он не удивлён и никогда не удивлялся ничему.

Я не могу сразу ответить.

Я не могу, потому что у меня в теле включается то самое, чего я несколько месяцев не могла вспомнить и от чего постоянно просыпалась с раздражением: во сне — есть, а в реальности — нет и ничего подобного.

В каждой клеточке тела — ровный горячий гул, начавшийся под его ладонью на моих рёбрах и бегущий вверх и вниз одновременно, по позвоночнику и по бёдрам.

Это ощущение отдаёт эхом пульса в виски, в самый низ живота, где собирается тяжёлым тугим узлом.

От одной руки, взгляда и колкой фразы.

Я стою на мокром асфальте перед подъездом, в чужих руках, и тело предательски сообщает мне правду, которую я не признавать: он меня волнует до дрожи в коленях. Всегда казалось, фу, какая банальность.

Теперь эта банальность случилась со мной.

Я узнаю жар изнутри так, как узнают язык, на котором не говорили с детства и вдруг услышали в чужой стране.

— Не надейтесь, — говорю я. — Мне такие никогда не нравились.

Сама не знаю как, но у меня получается ответить.

Голос ровный. Лёгкий. С полуулыбкой, кажется.

Я в эту секунду себя уважаю по-настоящему, как редко в жизни.

Он не убирает руку.

Не спешит.

Он держит ещё одну секунду — лишнюю секунду, демонстративную, такую, после которой невозможно сделать вид, что всё было по делу, и только потом отнимает ладонь.

Медленно. С отчётливым ощущением того, как его пальцы скользят по ткани под самой грудью, прежде чем оторваться окончательно.

Я чувствую отсутствие его руки сильнее, чем перед этим — её присутствие.

— Конечно, — говорит он. — Никогда.

И усмехается.

Наклоняется и поднимает мой букет. Поправляет две потрепавшиеся розы, отряхивает от мокрого песка нижний срез. Возвращает мне в руки чистым, будто с витрины магазина. Пальцы соприкасаются на стебле — на полсекунды, не больше.

Я отдёргиваю руку быстрее, чем требуется.

Потому что это — ожог, сразу, на коже.

Он замечает.

— Тебя ждут, — говорит он, кивнув куда-то за моё плечо. Таксист действительно стоит у машины. — Иди.

— Я и так иду.

— Иди осторожнее. На этих туфлях.

— Спасибо за совет.

— Это не совет. Это рекомендация. И постарайся не цеплять всякий мусор на это платье, оно коротковато.

Он говорит это так же спокойно, как всё остальное, и за этой спокойной репликой ровно столько, чтобы я застыла на секунду, забыв, в какую сторону мне надо двигаться.

— Я не спрашивала мнения по своему платью.

— Разумеется, нет, иначе бы оно было другим.

— В пол и с паранджой?

— Обязательно в пол. С разрезом до середины бедра. Платье должно будоражить, а не раскладывать всё, как на витрине.

Вот ещё, в первый раз он высмеял поцелуй, теперь — платье.

А в следующий раз — что?!

Я разворачиваюсь слишком резко, снова едва не подвернув каблук, и иду к машине, чувствуя его взгляд на своей спине между лопаток так отчётливо, будто он положил туда ладонь.

Сажусь в такси. Захлопываю дверь.

Называю адрес. Машина трогается.

Только когда мы почти сворачиваем с моей улицы, я позволяю себе оглянуться.

Он стоит на тротуаре, там же, где поймал меня. Не смотрит вслед. Уже не смотрит — отвернулся, достаёт телефон, что-то набирает. Будто меня вообще не было только что в его руках, будто эта секунда — для него ничто...

Скорее всего, он спешил к отцу или у них назначена встреча.

Я даже не уверена, что он помнит библиотеку.

Я доезжаю до сестры, из дома перемещаемся в клуб, но вечеринка закрытая 00 только для своих. Я выпиваю два коктейля подряд, протанцовываю весь вечер с какими-то незнакомыми парнями. Компания слишком большая, а музыка — слишком громкая, чтобы запомнить имена ради одного танца.

Один танец, другой, третий...

Когда появляются напитки поинтереснее, а среди присутствующих тайком передаются таблетки для поднятия настроения, рядом со мной вырастает мужчина-глыба в чёрном костюме.

— Ника, вам пора. Уже слишком поздно. Машина уже ждёт.

Я настороженно смотрю на мужчину: никогда не видела его среди охраны отца...

Глава 3

— Вы кто? Я вас не знаю. И никуда с вами не поеду.

Мужчина замялся, словно не знает, что ещё сказать, и в итоге просто протягивает мне телефон.

— Поговорите.

— Я не

— Поговорите!

Телефон возле уха, и там голос, от которого по телу — мурашки несутся тёплой волной.

— Ника, здравствуй. Сейчас ты слушаешь меня и делаешь, что я скажу.

— Вот ещё! Кто вы

— Ты прекрасно поняла, кто я, но если принцессе так хочется, чтобы перед ней называли имя, то тебе звонит Кантемиров Тимур, близкий человек твоего отца, Седова Глеба. Так достаточно подробно?

— Я никуда не поеду. Меня ваши предложения чему-то там учиться не заинтересовали! Другую дурочку найдите, которая поведётся на эти ваши пикаперские штучки! — выпалила я.

В ответ — выдох, немного уставший, словно он раздосадован, что ему приходится тратить на меня своё драгоценное время.

Вот бы и не тратил!

— Тебе не приходит в голову, что земля не крутится только вокруг тебя, что не все мужчины спят и видят, как залезть тебе под юбку, чтобы стянуть трусики? Не приходит? А надо бы, — добавляет жёстче. — Тем более, сейчас, когда обстоятельства складываются так, что ты не можешь позволить себе быть легкомысленной и изображать из себя дурочку, которой ты не являешься.

Пауза.

— Детство закончилось, Ника.

— Я в курсе, Тимур. Как ваше отчество?

— Твой отец разбился.

Я разжимаю пальцы и телефон падает вниз на плитку.

Охранник поднимает его, быстро смотрит на экран и снова протягивает мне.

— Ника? Ты слышишь?

— Бред. Это бред — шевелю губами.

— Я ждал его на встречу и не дождался. Мне только что позвонили, и, скорее всего, уже через минуту начнут звонить тебе. Все. От экономки до его правой руки, от самой мелкой ментовской сошки до игроков покрупнее.

Он как будто видел насквозь, как будто чувствовал пространство и предугадывал события за несколько мгновений до того, как они случатся.

В тот же миг мой телефон начал звенеть — настойчиво и противно.

— Этого не может быть. Как?

— Мне сказали, что он вылетел на встречу.

— Он? На встречу? С Володей?

— Не Володя, нет. Сам.

— Отец не водит сам. Никогда.

— Вообще-то водит и даже лихачит. Если ты не знаешь о какой-то стороне жизни своего отца, то это не значит, что ее нет и никогда не было. Просто таким способом он подавал тебе пример: не самой рисковать за рулем, а ездить с опытными водителями. Слышишь меня?

«Авария»

«На трассе»

«Встречка»

«Скорая приехала, но»

Я знаю эту структуру предложения. У этого предложения только одно окончание, и я не даю ему договорить.

— Где?

Кантемиров не спешит отвечать.

— Где мой отец сейчас? Прямо сейчас Где он?!

Я всё ещё не верю.

Отец не ездил без Володи никогда — после одного случая лет пять назад, когда подвела скользкая дорога, и он чуть не слетел в кювет.

После этого он сел на заднее сиденье и сказал: «Хватит».

С тех пор Володя возил его всюду — на встречи, домой, в город, к женщинам, о которых я не должна была знать и о которых догадывалась по запаху чужих духов на воротнике пиджака, который он бросал в прихожей.

И ещё одно. На встречу.

Мой отец не выезжал на встречу. Мой отец был осторожный водитель — раздражающе осторожный, я смеялась над ним, когда он на пустой ночной трассе просил держать шестьдесят и не разгонялся даже под уговоры.

— Мне ехать ещё долго, — отвечал он.

— Но это же скучно.

— Лучше быть скучным, чем мёртвым, — неизменно отвечал он и говорил водителю. — Едем на сорока, Володя. Покажем юной леди, что значит медленно, а потом еще медленнее

И так снижал до двадцати, мы ползли, как черепахи, потом плавно увеличивали до шестидесяти и казалось, что едем быстро.

Это называется игра контрастов, и я поняла её позднее.

Что значит не ценить то, что есть, и, только лишившись, понимать, как много у тебя было Сегодня он мёртв.

Больше не скучный, но мёртвый.

И сегодня — говорят мне — он выехал на встречу.

— Ника, я отправил за тобой водителя, он доставит тебя на квартиру, где вы с отцом жили. Будь там.

— Мне нужно к отцу.

— Тебя сейчас к нему не пустят. И тебе точно не следует.

— Я хочу к нему, и мне не запретит какой-то хрен знает кто!

— Какая у тебя короткая память, я уже представился, меня вряд ли теперь можно назвать хрен знает кто. Не испытывай моё терпение, нужно решить несколько важных вопросов, а я сам, к сожалению, слишком далеко, чтобы доставить тебя домой.

— Мой дом — не квартира, мой дом это дом.

— И не поспоришь. Итак, что ты сейчас делаешь, давай повторим?

— Почему я должна тебе верить?

Мельком просматриваю звонки и сообщения.

От первого же сообщения становится горько: первый помощник отца:

«Вероника, не могу до вас дозвониться. Ваш отец погиб. Где вы? Прошу перезвоните сразу, как прочитаете.»

Значит, отца не стало, Кантемиров не врёт. Но могу ли довериться

— Почему я должна верить вам?

— Хороший вопрос, — прозвучало довольно одобрительным тоном. — Подумай, о чем я тебя прошу? Сделать что-то для меня? Или якобы на пользу твоего отца? Или дать заявление?

Нет. Я прошу лишь одного: чтобы ты приехала и была в безопасности, под присмотром охраны. До утра нужно дождаться, пока выяснятся подробности произошедшего.

Ком собирается в горле. Тот самый, горячий и горький ком со слезами.

— Это могло быть покушение?

— Сейчас у меня мало данных. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть твои догадки.

Могу лишь пообещать, что выясню всё. В кратчайшие сроки.

— И почему это вам так важно.

— Смерть Глеба поставит на паузу проект, в который я вложил пол лярда, и это только начало. Как думаешь, если не брать во внимание, наше тесное общение, такие потери достаточно велики, чтобы я был очень заинтересованным, чтобы разобраться, кто помешал нам вести прибыльный проект?

Это было цинично и, как ни странно, довольно честно.

— Я поеду, держите меня в курсе.

— Иного и не будет. И ещё одно, Ника. Смотри внимательно сейчас на своё окружение. На всех, вплоть до прислуги, которая выносит мусор. В это время активизируются те, кто печётся лишь о своих интересах. Если тебя будут просить тебя помочь, подписать что-то, дать в долг или даже просто принять в гости, шли всех лесом. Это не друзья и даже не надёжные партнёры, это стервятники.

Убили отца или нет, но мне всё ещё не верится, что его нет. И можно ли верить Кантемирову?!

Глава 4

Версия, которую сообщают в течение следующих суток, приравнивается к одному: за рулём отца стало плохо. Мне говорят, что он, видимо, почувствовал приступ, потерял ориентацию, машина пошла на встречу, дальше — встречный фургон.

Версия закрывает всё, но она мне не нравится.

Я не могу объяснить, что мне не нравится в этой версии. Всё сходится. Каждый отдельный кусочек ложится в свой паз. Просто целое получается неправильное. Будто кто-то очень умело мешает мне складывать пазл и кладёт одну деталь от другой коробки, очень похожую, ровно по краям подходящую, но другую.

Кантемиров сообщил сухо и, как мне кажется, даже немного разочаровано, что это всего лишь сердце. Неизвестно почему, но я разозлилась на него и даже не поблагодарила, невежливо скинув звонок.

Пусть, у меня горе. Я лишилась единственного любимого и близкого человека.

Я имею право горевать так, как мне хочется, даже если это выглядит некрасиво!

Потом мне позволили увидеть отца в морге. Его привели в порядок. Я тщательно игнорирую все повреждения, отметив только выражение его лица. Оно спокойное. Очки кто-то снял и положил рядом, на маленький металлический столик, и беру эти очки и кладу себе в карман пальто, и забываю о них там на следующие три недели.

***

Чужих людей в доме больше.

Я не понимаю, откуда они все взялись и почему все знают, как у нас в доме что устроено, будто работали здесь годами. Помощник отца, Сергей Львович, приходит каждое утро с папкой и просит подписи.

Юрист Аркадий раскладывает передо мной бумаги и объясняет, что у меня теперь есть много всего, но это «непростой пакет» ценных бумаг и имущества, где очень многое — в залоге и нужно «уметь вертеться», чтобы банк не забрал.

Каждое утро, в десять, я узнаю, что в этом пакете ещё один нюанс или проблема, которую мне надо немедленно решить.

Решить я пока ничего не могу. Как будто поглупела разом.

На страницах учебника всё выглядело проще, в отчётах отца — тоже, там, где лишь нужно было тыкнуть в ошибку. Но увидеть картину целиком и представить при этом целую машину, учесть все детали и последствия тех или иных решений, увы, я пока неспособна.

Я даже кофе себе сварить не могу, потому что забываю, что я его поставила, и он выкипает.

Похороны на четвёртый день.

Поминальный обед у нас в доме — на пятый.

Я не хотела в доме, но так принято.

Кладбище — старое, семейное, отец сам выбрал участок ещё двадцать лет назад, когда хоронил маму. Тогда он поставил камень на два места: её сегодня, своё на потом.

Сегодня он ложится на место, которое было «на потом». Камень оказывается кстати.

Никаких хлопот для дочери. Он всё подумал заранее, мой отец.

Я не плачу и на похоронах.

Это не выдержка. Это что-то другое, чему я не знаю названия. Будто между мной и тем, что я вижу, кто-то проложил толстое холодное стекло. Я вижу всё в деталях — раскачиваю-

щийся гроб на верёвках, чьи-то слёзы, длинный нос священника, ворон на сосне поодаль, который то взлетает, то садится, но не чувствую ровно ничего.

Не хочу чувствовать, я просто не верю.

Чувствую только одно, как мои каблуки уходят в сырую землю и постоянно переминаюсь с ноги на ногу...

Мне кажется, я вернусь домой, и через час отец выйдет из кабинета и хитро улыбнётся, протирая очки: «Здорово я придумал?» и расскажет, что это всё инсценировка для того, чтобы избежать чего-то сложного...

Я отчаянно хочу верить именно в это и потому не верю ни в гроб, ни в запах сырой земли...

Людей очень много.

Очень. Половину я знаю в лицо — те самые пиджаки, которые ходили к нам годами. Половину вижу впервые. Все подходят. Все говорят одно и то же.

— Соболезную.

— Глеб Михайлович был достойным человеком.

— Мир многое потерял в его лице.

— Держитесь, Вероника.

— Если что-нибудь нужно, звоните, мы были партнёрами, всегда можем договориться...

«

— Держись.

Я киваю каждому, как болванчик, от чего у меня даже начинает болеть шея.

Сергей Львович стоит у меня за левым плечом и тихо подсказывает имена, чтобы я не путалась. «Это Котов. Это Береснев. Это Аршава, его не знаешь, но он важный. Это Полушкин, Глеб его не терпел с трудом, но нужный, удели ему больше времени...»

Я киваю и Полушкину, который оказывается чрезмерно болтлив в хвастлив не к месту, рассказывает, какую услугу он оказал моему отцу ещё задолго до моего рождения и потом смотрит так, словно ждёт чего-то в ответ прямо сейчас.

— Сергей Львович, — прошу. — Запишите, чтобы я не забыла посмотреть в гроссбухе отца, он записывал такие вещи.

Я уже не различаю лиц, голоса...

Устала, хочу домой, хочу скинуть туфли и содрать дурацкую вуаль со шляпкой, хочу увидеть отца и его хитрый взгляд, который без очков всегда кажется безобидным...

Я же его увижу, да? Это фарс, фарс... Почему фарс длится так долго?!

К середине поминального обеда я выхожу из зала, но меня тормозят даже в коридоре.

И снова — одно и то же.

Стою, разговариваю, благодарю за тёплые слова, но по ощущениям меня уже нет в этой комнате.

Внутри пусто и гулко, как в большом доме, из которого вынесли мебель.

И тогда я его вижу.

Тимур Кантемиров.

Он стоит у дальней стены, в тени, у окна. Не подходит.

Чёрный костюм без галстука.

Левая рука вдоль бедра, расслабленная.

Ещё один пиджак, который я почему-то замечаю больше всех прочих.

Он смотрит на меня.

И почему-то кажется, что он смотрит на меня давно — не знаю, сколько.

Я не сразу отвожу глаза. Несколько секунд — больше, чем полагается на похоронах — мы смотрим друг на друга через всю комнату, мимо чужих плеч и затылков, мимо официанта с подносом.

Я почти не замечаю ладони, которая в эту секунду протягивается пожать мне руку. Я даже не помню, чью руку я жму. Я вообще не помню, было ли это пожатие или объятие

Потому что в эти секунды весь шум комнаты стихает, и единственное, что имеет значение, тёмный взгляд мужчины, стоящего в дальнем углу.

Потом я отвожу.

И почти сразу, в следующую минуту ко мне подходит другой человек.

— Вероника, — говорит он негромко. — Прости меня.

Я поднимаю глаза. Лысеющий мужчина, шире отца в плечах, грузный, в добротном тёмном костюме. Лицо знакомое и не знакомое одновременно — из тех лиц, что в детстве видела через приоткрытую дверь отцовского кабинета и не запомнила, а теперь они вдруг материализовались.

Глаза светлые, серые, в красноватых прожилках — то ли от слёз, то ли от давления. Руки большие, тяжёлые. Одну он мне протягивает, и я машинально подаю свою, и он накрывает её сверху второй ладонью — так, как делают пожилые мужчины, желая сказать без слов, что ты для них — родная.

— Я — Плесников, — говорит он. — Илья Викторович. Мы... Глеб был мне как брат. Мы были очень близки.

Фамилия отзывается в памяти неярко, тусклым огоньком. Плесников. Я точно слышала эту фамилию множество раз, но так же я знаю, что в последние годы я его не видела, то есть, это кто-то из друзей отца.

Исключительно, из друзей, не ставший партнёрами или переставший им быть.

Я даже не успеваю ответить.

— Если что-нибудь понадобится, — говорит он, не выпуская мою руку, — слышишь меня, дочка, что-нибудь, в любое время, в любой день, ты звонишь Илье Викторычу. Запомни. Не Сергею Львовичу, не юристам — Илье Викторычу, — повторяет, сократив до простого. — Глеб бы хотел, чтобы я был рядом в момент, когда вокруг остались одни лица, заинтересованные растащить всё по кусочку.

— Почему именно вы?

Он смотрит без осуждения, с каким-то почти отеческим пониманием.

— Потому что, дочка, у меня самого состояние не меньше, чем у твоего отца, а если учесть, что он весь в залогах, то и поболее будет. Еще потому, что мой бизнес никак не пересекается с бизнесом твоего отца. Мы никогда не были ни конкурентами, ни партнёрами. Потому что с настоящим другом невозможно ни конкурировать, ни строить бизнес. Настоящая дружба может быть рождена только там, где нет ни соперничества, ни жажды выгоды, запомни. Все эти... — обводит взглядом. — Глеб называл их приближёнными партнёрами. Знаешь, как говорят, держи друзей близко, а врагов — ещё ближе. А теперь подумай, кого Глеб держал очень близко и остерегайся этих людей. Всё, больше ничего не буду говорить, дочка. Заболтал тебя... На меня уже косятся другие желающие выразить соболезнования.

Он говорит это негромко и без нажима. Потом достаёт из внутреннего кармана визитку. Суёт мне в ладонь плотно, чтобы я не уронила. Кивает. Отступает. Не задерживается, не говорит больше ничего. Разворачивается и идёт к выходу, и я смотрю ему в спину и не понимаю, почему мне сейчас, после всех этих десятков близких «соболезную», стало вдруг немного легче.

Я кладу визитку в сумочку.

Когда я снова поворачиваю голову, Тимура у окна нет.

Я не успеваю ничего почувствовать по этому поводу — потому что в следующую минуту он стоит уже совсем близко.

Но... с другой стороны.

Я даже вздрогнула, когда поняла, что он — за моей спиной.

Он умеет перемещаться по комнате так, что никто не замечает. Я не слышу, как он подходит. Разворачиваюсь, чувствую его присутствие каждой клеточкой кожи, и в этом зале как будто не существует никого, кроме него.

— Вероника, — говорит он.

Не Ника. Вероника. Полным именем, как человека, прошедшего обряд инициации и превращения в полноценного взрослого.

Он молчит секунду. Не протягивает ладонь и не произносит слов соболезнования.

Он не делает ничего из того, что делают остальные. Просто стоит — близко, спокойно, на том самом расстоянии, которое уже ближе, чем прилично.

Тимур произносит:

— Если что-то нужно, приходи. Он бы не хотел, чтобы ты осталась одна.

После этих слов Кантемиров разворачивается и идёт к выходу. Проходит мимо Сергея Львовича, Сергей Львович отступает в сторону, как отступают, когда мимо тебя идёт человек, у которого лучше не стоять на пути даже случайно.

Проходит мимо одного из юристов отца, и тот опускает глаза в бокал.

Он задерживается лишь на секунду, возле человека в близком костюме, который больше похож на охранника, чем на сочувствующего, и тот кивает, решительно посмотрев на меня.

Среди тысяч безликих соболезнований сегодня выделяются лишь несколько фраз.

Сергей Львович: «Когда закончим, нужно, чтобы вы отписались по одному важному вопросу... Нужно заверить важных людей, что все обязательства в силе, что вы продолжите курс и дело своего отца. Потом, не сейчас... Сейчас — главное, проводить его в последний путь достойно»

Илья Плесников с его ещё более многословным заверением, суть которого укладывается в несколько слов «вокруг тебя — только враги»

Тимур Кантемиров — лаконично: «Если что-то нужно, приходи»

Я повторяю про себя все эти фразы, не вслух, просто повторяю.

Я не знаю, что с ними делать.

Я не знаю, что мне делать вообще.

И вера в то, что я открою дверь кабинета и там окажется отец, тает с каждой секундой, как будто накатывает запоздалыми пониманием: его нет.

Только сейчас стучит в мыслях: его не стало!

***

Визитка Плесникова — плотный картон, ровные буквы, один телефон, никакого названия фирмы. Только имя и номер. Я держу её в руке, переворачиваю — обратная сторона пустая. Кладу её обратно в сумочку.

Я стою с очками в одной руке и с визиткой в другой.

Тимур визитки мне не оставил.

Тимур сказал — «приходи». Так, будто его каждая собака знает...

Позднее, когда все разойдутся, а я так и не наберусь смелости заглянуть в кабинет, понимаю только одно: фразу «приходи» Тимур сказал так, как говорят люди, которые знают наверняка.

Это было не предложение и не просьба.

Так говорят люди, которые не сомневаются, что ты придёшь. Они даже не приглашают — они констатируют.

И я ещё не знаю тогда, что он, как всегда, окажется прав, и что это произойдёт скорее, чем я себе представляла...